

«Никогда ничего не выпрашивала»

Кира Головка о Софье Пилявской

Загза - 2006 - 17 мая
С 26

Легендарной мхатовской актрисе Софье Станиславовне Пилявской сегодня исполнилось бы 95. До нынешнего дня рождения ей не хватило всего шести лет: она умерла в январе 2000 года и была похоронена на Новодевичьем кладбище недалеко от могил Станиславского, Немировича-Данченко и других прославленных мхатовцев. Пилявская пришла в труппу Художественного в 1928 году, а десятью годами позже в театр была принята актриса Кира Головка. «Газета» обратилась к 88-летней Кире Николаевне Головке, которая по сей день играет в мхатовских спектаклях, с просьбой рассказать о ее взаимоотношениях с Пилявской.

Меня приняли во вспомогательный состав театра в сентябре

1938 года, но судьба свела меня с Софьей Станиславовной Пилявской несколько позже. Я подружилась с ней в тот момент, когда было распределение ролей в спектакле «Последние дни» («Пушкин») по пьесе Михаила Булгакова. Я там играла Натали Пушкину, а она — мою старшую сестру Александрину. И потом до конца ее дней мы были в очень хороших отношениях.

Пилявская была яркой представительницей второго мхатовского поколения. Казалось, что она могла сыграть все. У нее были очень разнообразные роли — и в театре, и в кино. Помню, с каким блеском она сыграла необычную для себя комическую роль в «Пиквикском клубе» — горничную Мэри. Это был прекрасный спектакль — там играли Кторов, Станицын, Грибков. А в «Горе от ума» Пилявская во втором составе играла Софью,

чередуюсь с Ангелиной Степановой. Она была много моложе Степановой, и у нее был какой-то особый задор в этой роли.

Пилявская была чрезвычайно красивой женщиной. Причем не только внешне, но и внутренне. У нее был особенный разрез глаз и необычное лицо. Вообще во МХАТе было много замечательных и красивых актрис, и когда я туда пришла, у меня просто глаза разбежались. В труппе был задан какой-то особый тон, шедший, видимо, еще от Станиславского и Немировича-Данченко. У актрис не было ни каких-то особых нарядов, ни драгоценностей, и чувствовалась скромность во всем. Пилявская одевалась очень строго и вместе с тем красиво. У нее всегда были черносерые цвета в одежде, а если уж на ней белая кофта, то ослепительно белая.

Пилявская — человек с трудной биографией, в 1937 году, как известно, был арестован ее отец. Ее очень любил муж, но детей у них так и не появилось. А когда у меня родились дети, она приезжала к нам домой и возилась с ними, как со своими. Меня потрясло то, как она относилась к маленьким детям. Они же ведь вообще-то страшненькие, когда новорожденные. Но у нее даже слезы наворачивались, когда она на них смотрела, и это меня очень трогало.

Софья Станиславовна всегда держалась очень обособленно, и когда я узнала ее поближе, я очень зауважала ее за это качество. Она никогда не шла ни на какие компромиссы, никогда ничего не выпрашивала — ни ролей, ни зарплат. Как партнерша она мне очень помогала — все-таки она была гораздо опытнее, чем я. Характер у нее был

сильный, иногда резкий, но она никогда не допускала менторского тона по отношению ко мне, и если что-то подсказывала, то делала это исподволь, очень деликатно.

У Пилявской было прекрасное чувство юмора, и я очень любила слушать ее. Когда мы играли в спектакле «Последние дни», то у нас там был большой перерыв, и я каждый раз приходила к ней в уборную, и мы рассказывали друг другу всякие истории. Пожалуй, ни с кем во МХАТе у меня не было таких близких и доверительных отношений, как с Пилявской. Я очень чту ее светлую память и, несмотря на свой весьма преклонный возраст, в день ее рождения обязательно поеду к ней на кладбище. Там же неподалеку похоронен и мой муж Арсений Григорьевич, которому в этом году исполнилось бы 100 лет.

Пилявская Софья
Станиславовна
актриса театра МХАТ

17.05.06